

Известия, 1966, 19 февр.

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ, О ЧЕМ СПОРИМ

ЦЕНА ОЦЕНКИ

Аркадий РАЙКИН

НИКТО не возьмет на себя смелость критиковать книгу профессора математики о дифференциалах, не имея соответствующей математической подготовки. Никто не откажется давать указания хирургу, оперирующему язву желудка, не понимая ничего в медицине. Известная притча сатириков об автомобиле, сделанном с помощью лишь одного инструмента, топора,—едное назидание тем, чье самонимие явно непропорционально их способностям и квалификации.

Но есть одна область, судить о которой вправе каждый.

Это — искусство.

Наше искусство создается для народа, а народ — это люди: рабочие и инженеры, крестьяне и военнослужащие, литераторы и ученые, агрономы и врачи. Когда они приходят в театр, то становятся «зрителями», а зрители вовсе не надо быть специалистами, чтобы сказать о спектакле «мне понравилось» или «мне не понравилось». Для них театр не только источник эстетического наслаждения, но прежде всего высочайшая инстанция, решающая жизненные проблемы. Поэтому очень важно научить людей оценивать произведения искусства гражданственно, философски, а не с точки зрения своей профессии, как это еще нередко бывает.

Известен рассказ об одном французском враче, который, побывав на концерте знаменитой певицы Арну, сказал: «Это самая блестящая астма, какую мне когда-либо приходилось слушать»...

С такой своеобразной позиции рассматривают искусство некоторые люди и сейчас. Нигде так часто мы не сталкиваемся с понятием «чести мундира», как в искусстве. Если на сцене показан плохой директор, то все или по крайней мере многие директора почему-то считают своим долгом обидеться, хотя самой реальной защитой «чести мундира» было бы стремление не походить на него.

Искусство изображает не профессии, а характеры. Характер же человека создается обстоятельствами. Изображая отрицательные персонажи, сатирик анализирует причины, их порождающие, и тем самым помогает обществу избавляться от зла.

Чтобы не пытаться опровергнуть эту аксиому, требуется от человека чувство юмора. Экал мне, право, неприятность, как говорил остроумный классик. Чувство юмора — рефлекс безусловный, его нельзя ни привить, ни уничтожить, оно не повышается с повышением по должности. Но научить понимать юмор можно каждого, даже самого угрюмого человека. Это уже задача профессиональной критики, которая обязана кропотливо воспитывать у зрителей высокие вкус и культуру. Нельзя закрывать глаза на то, что среди зрителей наряду с очень умными, тонко разбирающимися в искусстве людьми попадаются и не слишком понимающие театр и эстраду. Усвоив одно легкое правило, внушавшееся в прошлые годы довольно упорно — дескать, эстрада якобы искусство ненастоящее, не выходящее за пределы пустой и глуповатой развлекательности, — они измеряют ценность эстрадного произведения не тем, насколько глубоко идеи, мысли и чувства, в нем заложенные, а наличием «реприз», «рефренов», «шлягеров», «спадов» и других понятий из мотушливой номенклатуры эстрадного артиста. А если учесть, что зрители отличаются друг от друга вкусами и симпатиями, образом и возрастом, наконец, просто характерами и биографиями, то мнения вокруг всякого произведения искусства предстанут перед нами в виде сложной иерархической лестницы оценок положительных и отрицательных, беспристрастных и предвзятых, взволно-

ванных и равнодушных. На самом вершине этой «лестницы» мне видится профессиональный критик, глубокий знаток искусства, призванный формировать общественное мнение. Я имею в виду подлинного критика-марксиста, а не того, кто скрывает интеллектуальную робость или просто отсутствие собственных мыслей спасительной формулировкой «естественно, что народ этого не примет». Пусть мнения критиков будут всегда личными, но личности должны быть крупными, авторитетными, способными творчески осмысливать явления жизни и искусства с высоты наших коммунистических идеалов.

ХОРОШИЙ столяр делает хороший стол, потому что хорошо разбирается в своем ремесле. Человек, который стоит над столом, может быть, отлично знает технологию этого процесса, но сам сделать такой стол не сможет, если не был когда-либо столяром. Наконец, есть такой человек, который ничего подобного не знает и умеет уже только сидеть за этим столом. Так вот критик, сидящий за столом, хоть и совсем не обязан уметь писать пьесы, но, берясь за перо, должен детально представлять себе весь творческий процесс, постоянно общаться с его участниками и судить, скажем, сатирика, по законам сатиры, а не упрекать его в том, что он «не показывает положительные образы времени», как писал о нашем сатирическом театре один критик. Сатирик — пропагандист коммунистических идей специфическими средствами своего жанра. Он утверждает положительное путем непримиримого отрицания отрицательного. Чем лояльнее отношение к критике недостатков, тем больше возможностей быстрее их устранить. Гласность всегда была непременным условием успешной борьбы с плохим.

Цель искусства, говоря словами Гоголя, заставить несхожих между собой людей потратиться одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Цель критики — дать общественную оценку этому потрясению, этим слезам, этому смеху. Критиковать произведения искусства ничуть не легче, чем его создавать. Критика — это наука и искусство одновременно.

В отличие от математики и физики, где существуют точные единые оценки, в искусстве противоположные мнения об одном и том же явлении неизбежны и правомерны. То, что горит лампочка, видят все, а то, что горят сердца, видят не всегда и не каждому. Вот почему гражданская обязанность критика не только объективно оценить произведение, но и убедить в своей правоте как можно больше людей, сделав их своими единомышленниками в общественной борьбе.

Собственное мнение надо доказывать, а не навязывать. Лишь тогда оно может стать убеждением других. Как ни печально, но далеко не все отдадут себе в этом отчет. Когда-нибудь я обязательно сыграю сценку о том, как иные работники «организмизируют мнение». Некий директор — лысый человек с черными усами приглашает к себе подчиненных. В его кабинете собираются блондины и брюнеты, рыжеволосые и седые, мужчины и женщины с самыми различными прическами. Вскоре они выходят оттуда, все... лысые с черными усами. Мне хочется высмеять таких директоров

и таких подчиненных в первую очередь за отсутствие идейной принципиальности, этого, пожалуй, главного морального качества всякого уважающего себя человека. Принципиальность — это мужество стоять на своей точке зрения и в хорошие и в плохие времена для себя. Я пишу эти строки, и в памяти возникают лица людей, которые никогда не отказывались бороться за свое мнение, за свои оценки произведений искусства. Назову хотя бы известного музыковеда Ивана Ивановича Соллертинского, одного из немногих, кто продолжал высоко отзываться о творчестве Прокофьева и Шостаковича, когда те были объявлены «формалистами». Крупный музыкальный критик Соллертинский никогда не менял своих убеждений в угоду ситуации и таким образом активно способствовал, чтобы правда в конце концов восторжествовала...

Но не перевелись еще люди, которые руководствуются не интересами общего дела, а конъюнктурными соображениями. Если он работает в области управления искусством, то, придя на новый спектакль, старается уйти незаметно, чтобы не встретиться с работниками театра до того, пока не выяснил, что думает по этому поводу Петр Петрович или Василий Васильевич. Это тоже оценка, но не спектакля, а такого конъюнктурщика и перестраховщика. Для него судить о произведении — всего лишь засвидетельствовать свое приобщение к мнению человека, которому он подчиняется.

А представьте себе, как выглядела бы школа, в которой по этому принципу стали бы ставить оценки. Весь класс, например, не выучил урока, а преподаватель вместо того, чтобы поставить каждому ученику то, что он заслужил, мучительно бы думал: «А что скажет завуч? А что скажут в районо?». А их роно соревнуется с соседним за высокую успеваемость, и вот в классном журнале вместо двоек появляются положительные оценки. Впрочем, к сожалению, бывает такое и в школе...

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ неотделима от последовательности. Отклонение от позиции даже в мелочах ведет к подрыву этих позиций, нередко вызывает у людей недоверие, а порой и обратную реакцию, убеждение, что их собственное мнение не совпадает с мнением критика. Иногда даже приходится слышать от зрителей такое: «Читали, как разругали пьесу? Надо обязательно сходить, видимо, очень интересно».

Я знаю директоров театров, которые снимают пьесу за «идейные и художественные просчеты», а в конце квартала пускают для выполнения финансового плана. Мы правильно стремимся оградить молодежь от пошлости и безвкусицы в искусстве, но когда встает вопрос о все том же «плане», широко демонстрируем кинофильмы сомнительной ценности, хотя принципиальным было бы, может быть, не выполнять план, но не поступаться своими принципами, иначе они перестают быть принципами. Или, скажем, выходит на экраны комедия «Укротительница тигров», не претендующая на особую глубину, но, ей-богу, симпатичная и смешная. Ее критики встречают в штыки, обвиняя в отсутствии того, что совсем, кстати, не свойственно комедийному жанру. Но вот зарубежный фильм, явно не отличающийся больши-

ми идейными и художественными достоинствами, эти же критики начинают хвалить. Неудобно. Все-таки друзья. Но друг — это тот, кто не скрывает своего мнения, кто вовремя может помочь советом.

Честная критика всегда лучше, чем фальшивая похвала. Плохой спектакль не станет

хорошим от дифирамбов «нужной теме». Задача критики внимательно направлять творчество художника, дружелюбно указывать ему на ошибки, если они есть. А если бы все наши газеты столь же регулярно, глубоко и широко освещали культурную жизнь, как они освещают спортивную. Право же, искусство заслуживает не меньшего внимания, чем футбол и шахматы.

Как и всякий гражданин, актер живет по установленным в нашем обществе нормам морали и этики. Но надо помнить, что актер проповедует со сцены новую мораль, передовые идеи, и зрители справедливо видят в нем человека с большой буквы. Авторитет актера критики должны всячески поддерживать, а не подрывать необдуманными сентенциями.

Несколько лет назад один критик с возмущением говорил мне об одной всемирно известной балерине, в то время заблуждавшейся:

— Представляете, она отказалась поехать выступать в колхоз!

— Ну и что?

— ?!

— Если бы ей предложили танцевать в зале Чайковского, я бы и то усомнился, стоит ли, поскольку там плохой пол. А мы должны беречь эту уникальную артистку...

— Но ее пригласили зрители!

— Зрителей много, а она одна. Почему же из сотен приглашений нужно принять именно это, а не другие. Лучше организовать ее выступление по телевидению, чтобы смотрели не десятки, а миллионы.

В искусстве замены нет. Это следует помнить каждому, от чьих суждений зависит судьба роли, спектакля, наконец, актера. Я еще раз убедился в вечности этого положения, когда в течение нескольких дней в качестве члена жюри просматривал работы студенческих сатирических театров миниатюр, которых сейчас насчитывается около ста. Всесоюзный конкурс молодых сатириков, проведенный по инициативе ЦК комсомола, наглядно показал, как богата наша страна разнохарактерными дарованиями, смело решающими своим творчеством самые сложные общественные проблемы. Назову хотя бы челябинский студенческий театр миниатюр, харьковский городской студенческий театр, эстрадную студию МГУ «Наш дом», студенческие театры Московского и Казанского авиационных институтов. Человеку, посвятившему много лет жизни эстраде, особенно приятно, что к этому искусству, поистине всенародному, ежедневно охватывающему миллионы зрителей, обращаются все больше и больше творческих работников.

В этой статье я хотел бы начать разговор о проблеме, жизненно важной для процветания этого искусства. Я говорю «начать разговор», ибо он слишком серьезен и обширен для того, чтобы сразу полностью его завершить. «Проблема оценок», если можно так выразиться, то есть проблема квалифицированной партийной критики, способной действительно и целенаправленно формировать общественное мнение, сейчас актуальна, пожалуй, как никогда. Выступать по вопросам сатиры и эстрады надо со всей гражданской и партийной ответственностью.

Глубоко, серьезно, честно.

ЦЕНА ОЦЕНКИ

Аркадий РАЙКИН

НИКТО не возьмет на себя смелость критиковать книгу профессора математики о дифференциалах, не имея соответствующей математической подготовки. Никто не отважится давать указания хирургу, оперирующему ульзу желудка, не понимая ничего в медицине. Известная притча сатириков об автомобиле, сделанном с помощью лишь одного инструмента, топора,—едкое назидание тем, чье самомнение явно непропорционально их способностям и квалификации. Но есть одна область, судить о которой вправе каждый.

Это — искусство.

Наше искусство создается для народа, а народ — это люди: рабочие и инженеры, крестьяне и военнослужащие, литераторы и ученые, агрономы и врачи. Когда они приходят в театр, то становятся «зрителями», а зрителям вовсе не надо быть специалистами, чтобы сказать о спектакле «мне понравилось» или «мне не понравилось». Для них театр не только источник эстетического наслаждения, но прежде всего высочайшая инстанция, решающая жизненные проблемы. Поэтому очень важно научить людей оценивать произведения искусства гражданственно, философски, а не с точки зрения своей профессии, как это еще нередко бывает.

Известен рассказ об одном французском враче, который, побывав на концерте знаменитой певицы Арну, сказал: «Это самая блестящая астма, какую мне когда-либо приходилось слушать»...

С такой своеобразной позиции рассматривают искусство некоторые люди и сейчас. Нигде так часто мы не сталкиваемся с понятием «честь мундира», как в искусстве. Если на сцене показан плохой директор, то все или по крайней мере многие директора почему-то считают своим долгом обидеться, хотя самой реальной защитой «честь мундира» было бы стремление не походить на него.

Искусство изображает не профессии, а характеры. Характер же человека создается обстоятельствами. Изобличая отрицательные персонажи, сатирик анализирует причины, их порождающие, и тем самым помогает обществу избавляться от зла.

Чтобы не пытаться опровергнуть эту аксиому, требуется от человека чувство юмора. Экая мне, право, неприятность, как говорил остроумный классик. Чувство юмора — рефлекс безусловный, его нельзя ни привить, ни уничтожить, оно не повышается с повышением по должности. Но научить понимать юмор можно каждого, даже самого угрюмого человека.

Это уже задача профессиональной критики, которая обязана кропотливо воспитывать у зрителей высокий вкус и культуру. Нельзя закрывать глаза на то, что среди зрителей наряду с очень умными, тонко разбирающимися в искусстве людьми попадаются и не слишком понимающие театр и эстраду. Усвоив одно легкое правило, внушавшееся в прошлые годы довольно упорно — дескать, эстрада якобы искусство ненастоящее, не выходящее за пределы пустой и глуповатой развлекательности,—они измеряют ценность эстрадного произведения не тем, насколько глубоко идеи, мысли и чувства, в нем заложенные, а наличием «реприз», «рефренов», «шлягеров», «спадов» и других понятий из могучей номенклатуры эстрадного артиста. А если учесть, что зрители отличаются друг от друга вкусами и симпатиями; образованием и возрастом; наконец, просто характерами и биографиями, то мнения вокруг всякого произведения искусства предстанут перед нами в виде сложной иерархической лестницы оценок положительных и отрицательных, беспристрастных и предвзятых, взволно-

ванных и равнодушных. На самом вершине этой «лестницы» мне видится профессиональный критик, глубокий знаток искусства, призванный формировать общественное мнение. Я имею в виду подлинного критика-марксиста, а не того, кто скрывает интеллектуальную робость или просто отсутствие собственных мыслей спасительной формулировкой «естественно, что народ этого не примет». Пусть мнения критиков будут всегда личными, но личности должны быть крупными, авторитетными, способными творчески осмысливать явления жизни и искусства с высоты наших коммунистических идеалов.

ХОРОШИЙ столяр делает хороший стол, потому что хорошо разбирается в своем ремесле. Человек, который стоит над столяром, может быть, отлично знает технологию этого процесса, но сам сделать такой стол не сможет, если не был когда-либо столяром. Наконец, есть такой человек, который ничего подобного не знает и умеет уже только сидеть за этим столом. Так вот критик, сидящий за столом, хоть и совсем не обязан уметь писать пьесы, но, берясь за перо, должен детально представлять себе весь творческий процесс, постоянно общаться с его участниками и судить, скажем, сатирика, по законам сатиры, а не упрекать его в том, что он «не показывает положительные образы времени», как писал о нашем сатирическом театре один критик. Сатирик — пропагандист коммунистических идей специфическими средствами своего жанра. Он утверждает положительное путем непримиримого отрицания отрицательного. Чем долее отношение к критике недостатков, тем больше возможностей быстрее их устранить. Гласность всегда была непременным условием успешной борьбы с плохим.

Цель искусства, говоря словами Голя, заставить несхожих между собой людей потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Цель критики — дать общественную оценку этому потрясению, этим слезам, этому смеху. Критиковать произведение искусства ничуть не легче, чем его создавать. Критика — это наука и искусство одновременно.

В отличие от математики и физики, где существуют точные единые оценки, в искусстве противоположные мнения об одном и том же явлении неизбежны и правомерны. То, что горит лампочка, видят все, а то, что горят сердца, видно не всегда и не каждому. Вот почему гражданская обязанность критика не только объективно оценить произведение, но и убедить в своей правоте как можно больше людей, сделав их своими единомышленниками в общественной борьбе.

Собственное мнение надо доказывать, а не навязывать. Лишь тогда оно сможет стать убеждением других. Как ни печально, но далеко не все отдают себе в этом отчет. Когда-нибудь я обязательно сыграю сценку о том, как иные работники «организмизируют мнение». Некий директор — лысый человек с черными усами приглашает к себе подчиненных. В его кабинете собираются блондины и брюнеты, рыжеволосые и седые, мужчины и женщины с самыми различными прическами. Вскоре они выходят оттуда, все... лысые с черными усами. Мне хочется высмеять таких директоров

и таких подчиненных в первую очередь за отсутствие идейной принципиальности, этого, пожалуй, главного морального качества всякого уважающего себя человека. Принципиальность — это мужество стоять на своей точке зрения и в хорошие и в плохие времена для себя. Я пишу эти строки, и в памяти возникают лица людей, которые никогда не отказывались бороться за свое мнение, за свои оценки произведений искусства. Назову хотя бы известного музыковеда Ивана Ивановича Соллертинского, одного из немногих, кто продолжал высоко отзываться о творчестве Прокофьева и Шостаковича, когда те были объявлены «формалистами». Крупный музыкальный критик Соллертинский никогда не менял своих убеждений в угоду ситуации и таким образом активно способствовал, чтобы правда в конце концов восторжествовала...

Но не перевелись еще люди, которые руководствуются не интересами общего дела, а конъюнктурными соображениями. Если он работает в области управления искусством, то, придя на новый спектакль, старается уйти незаметно, чтобы не встретиться с работниками театра до того, пока не выяснил, что думает по этому поводу Петр Петрович или Василий Васильевич. Это тоже оценка, но не спектакля, а такого конъюнктурщика и перестраховщика. Для него судить о произведении — всего лишь засвидетельствовать свое приобщение к мнению человека, которому он подчиняется.

А представьте себе, как выглядела бы школа, в которой по этому принципу стали бы ставить оценки. Весь класс, например, не выучил урока, а преподаватель вместо того, чтобы поставить каждому ученику то, что он заслужил, мучительно бы думал: «А что скажет завуч? А что скажут в районо?». А их роно соревнуется с соседним за высокую успеваемость, и вот в классном журнале вместо двоек появляются положительные оценки. Впрочем, к сожалению, бывает такое и в школе...

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ неотделима от последовательности. Отклонение от позиции даже в мелочах ведет к подрыву этих позиций, нередко вызывает у людей недоверие, а порой и обратную реакцию, убеждение, что их собственное мнение не совпадает с мнением критика. Иногда даже приходится слышать от зрителей такое: «Читали, как разругали пьесу? Надо обязательно сходить, видимо, очень интересно».

Я знаю директоров театров, которые снимают пьесу за «идейные и художественные просчеты», а в конце квартала пускают для выполнения финансового плана. Мы правильно стремимся оградить молодежь от пошлости и безвкусицы в искусстве, но когда встает вопрос о все том же «плане», широко демонстрируем кинофильмы сомнительной ценности, хотя принципиальным было бы, может быть, не выполнять план, но не поступать своими принципами, иначе они перестают быть принципами. Или, скажем, выходит на экраны комедия «Укротительница тигров», не претендующая на особую глубину, но, ей-богу, симпатичная и смешная. Ее критики встречают в штыки, обвиняя в отсутствии того, что совсем, кстати, не свойственно комедийному жанру. Но вот зарубежный фильм, явно не отличающийся больши-

ми идейными и художественными достоинствами, эти же критики начинают хвалить. Неудобно. Все-таки друзья. Но друг — это тот, кто не скрывает своего мнения, кто вовремя может помочь советом.

Честная критика всегда лучше, чем фальшивая похвала. Плохой спектакль не станет

хорошим от дифирамбов «нужной теме». Задача критики внимательно направлять творчество художника, дружелюбно указывать ему на ошибки, если они есть. А если бы все наши газеты столь же регулярно, глубоко и широко освещали культурную жизнь, как они освещают спортивную. Право же, искусство заслуживает не меньшего внимания, чем футбол и шахматы.

Как и всякий гражданин, актер живет по установленным в нашем обществе нормам морали и этики. Но надо помнить, что актер проповедует со сцены новую мораль, передовые идеи, и зрители справедливо видят в нем человека с большой буквы. Авторитет актера критики должны всячески поддерживать, а не подрывать необдуманными сентенциями.

Несколько лет назад один критик с возмущением говорил мне об одной всемирно известной балерине, в то время заболевшей:

— Представляете, она отказалась поехать выступать в колхоз!

— Ну и что?

— ?!

— Если бы ей предложили танцевать в зале Чайковского, я бы и то усомнился, стоит ли, поскольку там плохой пол. А мы должны беречь эту уникальную артистку...

— Но ее пригласили зрители!

— Зрителей много, а она одна. Почему же из сотен приглашений нужно принять именно это, а не другие. Лучшее организовать ее выступление по телевидению, чтобы смотрели не десятки, а миллионы.

В искусстве замены нет. Это следует помнить каждому, от чьих суждений зависит судьба роли, спектакля, наконец, актера. Я еще раз убедился в вечности этого положения, когда в течение нескольких дней в качестве члена жюри просматривал работы студенческих сатирических театров миниатюр, которых сейчас насчитывается около ста. Всесоюзный конкурс молодых сатириков, проведенный по инициативе ЦК комсомола, наглядно показал, как богата наша страна разнохарактерными дарованиями, смело решающими своим творчеством самые сложные общественные проблемы. Назову хотя бы челябинский студенческий театр миниатюр, харьковский городской студенческий театр, эстрадную студию МГУ «Наш дом», студенческие театры Московского и Казанского авиационных институтов. Человеку, посвятившему много лет жизни эстраде, особенно приятно, что, к этому искусству, поистине всенародному, ежедневно охватываемому миллионы зрителей, обращается все больше и больше творческих работников.

В этой статье я хотел бы начать разговор о проблеме, жизненно важной для процветания этого искусства. Я говорю «начать разговор», ибо он слишком серьезен и обширен для того, чтобы сразу полностью его завершить. «Проблема оценок», если можно так выразиться, то есть проблема квалифицированной партийной критики, способной действительно и целенаправленно формировать общественное мнение, сейчас актуальна; пожалуй, как никогда. Выступать по вопросам сатиры и эстрады надо со всей гражданской и партийной ответственностью.

Глубоко, серьезно, честно.